

"Середь было царства Российского..."

(Симбирск. губ., с. Станичное)

Середь было царства Российского,
Середь государства Московского,
Стояли палаты белокаменная
Ведь нашего батюшки, Грозного царя.
Собиралось пированьицо честное
Про всех про князей-бояр,
Про сильных могучих богатырей:
Они пили, ели, проклажались,
Промежду себя похвалялися;
Богатое-т хвалится богатетством,
А сильное-т силушкою.

Возговорит наш Грозный царь,
Царь Иван Васильевич:
«Ой вы еси, князи-бояре,
Сильные могучие богатыри!
Чем-то вы это хвалитесь,
Чем-то это вы прехваляетесь?
Богатство-то вам от меня пришло,
А силушку-то вам Бог дал!
Вы бы похвалились своей мудростью,
Своей мудростью, премудростью!
Как я, государь, под Казань подходил,
Подкоп подводил под Булат-реку,
Подкоп подводил под Казань под реку,
Под самую стену белокаменную,
Под угольну башню, порховную казну,
Закатывал бочки дубовенькия,
С зельем со лютым, со зельем со порохом,
Затепливал свечки воскуяровыя:
Догарали свечечки до бочечек вплоть,
Разрывало бочечки дубовенькия,
Разметало стены белокаменныя!

Казанских татар со стены всех пометал,
Симеона царя в полон себе взял,
Вывел изменушку изо всей земли,
Вывел измену из Казани-города,
Вывел изменушку из каменной Москвы,
Все селы-деревни ко своим рукам привел!»

Возговорит молодой царевич,
Молодой царевич Федор Иванович:
«Ох ты гой еси, батюшка,
Грозный царь Иван Васильевич!
Не прикажите меня скоро казнить,
Прикажите слово вымолвить:
Не вывел ты измену изо всей земли,
Не вывел ты измену из Казани-города!
Изменщика-т твой пред тобой стоит,
С тобой речи говорит,
Хлеб твой-соль кушает,
А лихо на тебя думает».

Воскликнул-возгаркнул Грозный царь,
Грозный царь Иван Васильевич:
«Есть ли у меня злые палачи,
Злые палачи, немилостивые?
Берите молода царевича,
Феодора Ивановича,
За его за ручушки за белыя,
За кудерушки за русые,
Ведите далече в чисто поле,
Во Кочково-то 1 и во Куликово-то,
На то озеро зыбучее,
Снимите с него буйну голову долой,
По самыя плечи по могучия,
И воткните на вострой [штык],
Поставьте перед моими очами ясными!»

Тут все палачи перепугались,
Все грозные разбежались.
Один, де, б..... сын,
Малютка Скурлюткин сын,
Берет молода царевича

За ручушки белыя,
За кудерушки за русые,
Он хочет с него буйну голову снять,
По самыя плечи по могучия.
Возговорит молодой царевич,
Молодой царевич Феодор Иванович:
«Ох ты гой еси, Малютка Скурлюткин сын!
Не за свой ты кус принимаешься,
Сам ты этим кусом подавишься,
Сам ты этим кусом поперхнешься!
Есть у меня скорые послухи!
Кидайтесь-бросайтесь к дедушке моему,
К любимому царскому дядюшке,
К модé2 Никите Романовичу!»

Скоро тут послухи кидалися,
Докладывали дядюшке,
Модé Никите Романовичу.
Модá Никита Романович
Выходил из палат белокаменных
На крылечушко высокое,
В одной тоненькой сорочушке без поясу,
В одних шёлковых чулочках без чоботов,
Воскрикнул своим громким голосом:
«Ой вы гой еси, конюхи, подконюшникчки!
Давайте два коня что не лучшие!»
Он брал с собой клюшничка-ларешничка,
Поехал он в далече чисто поле,
Во Кочково-то, во Куликово-то,
На то озеро зыбучее.
Он криком-то кричит — не докричивается,
А свистом-то свистит — не досвистывается:
«Ох ты гой еси, лютой палач,
Малютка Скурлюткин сын!
Не за свой ты кус принимаешься,
Этим кусом сам подавишься,
Этим пойлицом поперхнешься!»
Отдает своего клюшничка-ларешничка,
Он с клюшничка-то буйную голову снял,
По самыя плечи могучия,

И воткнул на вострый [штык],
Поставил перед окошками царскими,
Перед его очами ясными.

По утру раным ранехонько,
На зориньке белой увидел наш Грозный царь,
Царь Иван Васильевич,
Буйную голову на вострым [штыке].

Растужится-расплачется наш Грозный царь,
Царь Иван Васильевич:

«Какова змея лютая,

И та не поедает своих чрев:

А я съел-сгубил своего детища,

Молода-зелена царевича,

По имени Феодора Ивановича!»

Велел заводить по городу звоны колокольные,

И приказал служить молебны частые,

Велел по городу носить платья все печальные.

И случилось ему итти-ехать мимо своего дядюшки,

Модá Никиты Романовича:

У дядюшки его пир идет на весело,

Он в трубычки трубит, в литавры бьет.

Воскрикнул тут наш Грозный царь,

Царь Иван Васильевич:

«Есть ли у меня злыя палачи?

Берите моего дядюшку не́ честью,

За ручушки белыя,

За кудерушки русые,

Ведите его ко мне в палаты белокаменные!»

Как он перступил, дядюшка,

В палаты белокаменные,

Пришил он копьем ногу правую

К половице ко дубовой;

Пришимши ногу правую

К половице ко дубовой,

Стал его спрашивать:

«Ох ты гой еси, дядюшка,

Модá Никита Романович!

Что́ у тебя за пиры, за проклады,
В трубочки ты трубишь и в литавры бьешь?
Не знашь ты горя моего великого,
Горя великого, кручинушки царской?»
Возговорил дядюшка,
Модá Никита Романович:
«Ох ты гой еси, Грозный царь,
Царь Иван Васильевич!
Не прикажи ты скоро меня казнить,
А прикажи слово выговорить:
Твоя кручина у моей белой груди лежит».

Тут воскрикнул наш Грозный царь,
Царь Иван Васильевич:
«Есть у меня лекари и доктуры?
Лечите дядюшке ногу правую,
А с Малютки Скурлюткина
Снимите с живого шкуру!»

(Запис. А. М. Языковым)

Песни, собранные П. В. Киреевским, Ч. II. Песни былевые, исторические. Вып. 6. Москва. Грозный царь Иван Васильевич, 1864.

1 Кучково.

2 Модá вероятно есть молодá, согласованное с «Никита». — О.